

Кто еврей, или Письмо Ростроповича

- СЛАВА, это Тополь. Мы попали в грозу и не успеваем...

- А где ты?

- Во Французских Альпах. Тут такой ливень - дороги не видно!

- И когда ты приедешь?

- Ну, нам еще двести километров, под дождем.

- А я ушел из гостей. И там не пил, чтоб с тобой... - в голосе Ростроповича было по-детски искреннее огорчение.

- Я понимаю, Слава. Извини. Зато я первый поздравлю тебя с днем рождения - мы будем утром.

- Утром я не смогу и рюмки, у меня в десять репетиция.

- Будем пить чай. В девять, о'кей?

- Нет, приходи в восемь, хоть потремся. Какая жалость!..

Я выключил мобильный телефон и покосился на Стефановича. Он вел машину, подавшись вперед - то ли потому, что "дворники" не успевали справляться с потоками воды и даже мощные фары "БМВ" не пробивали этот ливень дальше метра, то ли еще не остыв от недавнего покушения, когда нас чуть не расплющили двумя "фурами".

- Это ужасно, - сказал я. - Слава там без Галины Павловны. И представляешь - из-за нас просидит весь вечер в одиночестве. Накануне своего дня рождения! По моей вине!

Саша не ответил. Иссекаемая ливнем дорога, виляя, подло выскакивала то слева, то справа столбиками боковых ограждений буквально в метре от переднего бампера. Я то и дело рефлекторно жал правой ногой на воображаемый тормоз. Дорожный щит сообщил, что до Турина пятьдесят километров, а до Милана - сто девяносто.

- К часу ночи будем в Милане...

- Дай Бог - в два, - уточнил Саша. - А как ты подружился с Ростроповичем?

- Это не любовная история, Саша.

- Ничего. Сегодня у нас ночь истины.

"Дешевый провокатор"

- ТЫ ПРАВ. Ладно. Этого никто не знает, а если меня все-таки грохнут, то пусть это останется хоть в твоей памяти. Ты помнишь мое письмо Березовскому и другим евреям-олигархам в "Аргументах и фактах"? Оно было напечатано 15 сентября прошлого года, за день до самого главного еврейского праздника - Судного дня. По закону наших предков, принятому ими у горы Синай, в эти Дни Трепета каждый еврей обязан накормить голодного и одеть нищего. Обязан, понимаешь? И я написал своим братьям по крови, что миллиарды долларов, которые они обрели в России, не упали на них за какие-то особые их таланты - никто из них не Билл Гейтс и даже не Тед Тернер. Они сделали эти деньги в России - не мое дело на чем, но в святой для евреев день они могут и должны помочь этой нищей стране - ведь как раз накануне, 17 августа, Россия ухнула в катастрофу кризиса и, по русской традиции, винить в этом будут евреев. Ты же знаешь, в России всегда и во всех бедах винят кого-то - татар, литовцев, евреев, американцев. Только не себя. Так и тут - падение в экономический кризис чревато, писал я, вспышкой антисемитизма. Помогите нищим, накормите голодных, это ваш долг перед своим народом - вот, по сути, и все, что я сказал. Разве не могли они сделать, как Ян Курень в Польше десять лет назад, - взять у армии полевые кухни и кормить на улицах голодных людей? Разве трудно создать национальную программу поддержки школьных учителей? Или одеть детей в детских домах и приютах? Но, Господи, что тут началось! Ты не можешь себе представить, сколько собак - и каких! - на меня спустили! И не столько в России, сколько в русскоязычной прессе Израиля и Америки! Меня назвали провокатором погромов, наемником фашистов, наследником Гитлера, духовным отцом Макашова. В течение месяцев мое имя не сходило со страниц газет. "Позор Тополю!", "Политический дикарь", "От погромщиков не откупиться", "Тополь и его последователи играют со спичками", "Боже, спаси Россию от Тополя!", "Тополя нужно повесить, а его книги сжечь!"... Сестра позвонила из Израиля и сказала, что боится за мою жизнь. Тетя из Бруклина сообщила, что плачет пятый день, потому что по местному радио и телевидению меня день и ночь проклинают ведущие публицисты. От Брайтона до Тель-Авива эмигрантские газеты печатали развороты с коллективными письмами читателей, которые объясняли публике, какой я мерзавец и сколько добра евреи сделали России. В Москве делегаты Еврейского конгресса дружно клеймили меня позором. Иосиф Кобзон по "горячей линии" "Комсомольской правды" объяснил читателям, что я "дешевый провокатор"...

Конечно, я понимал, что это издержки корпоративного страха моего народа и его экстремизма, ведь я и сам экстремист. Именно такие экстремисты от страха даже распяли когда-то одного еврея. Но что из этого вышло? Чем это обернулось для евреев? И вообще, винить меня в новой вспышке антисемитизма - все равно что шить провокацию плохой погоды матросу, кричащему с мачты о приближении шторма.

Короче, это было похлеще грозы, которую мы проехали. Я перестал выписывать русские газеты, не слушал русское радио. Но когда на тебя обрушивается такой поток грязи - да еще сразу с трех континентов! - трудно сохранять рабочую форму. Даже если считаешь, что это полезно для творчества, что я на своей шкуре испытываю то, что пришлось испытать Пастернаку, когда вся советская пресса печатала коллективные письма: "Мы Пастернака не читали, но считаем, что ему не место в Советском Союзе!.." Я не сравниваю себя с гением, да и поводы были разные, но ощущения от плевков и битья камнями - близкие. В будущем, думал я, это пригодится для романа о каком-нибудь изгое общества...

"Включите факс"

И ВОТ теперь представь, что этому изгою, "подонку", "предателю" и "провокатору", заплеванному всей эмигрантской прессой от Израиля до Австралии, вдруг звонят из Москвы, из "АиФ", и говорят:

- Пожалуйста, включите факс-машину, сейчас вам из Парижа по факсу придет письмо Мстислав Ростропович.

И действительно, через пятнадцать минут из факс-машины поползла бумажная лента, а на ней - летящие рукописные строки великого музыканта нашего века.

Старик, я не опубликовал это письмо, потому что оно личное. Но тебе я могу пересказать его. В нем было сказано: дорогой господин Тополь, дорогой Эдуард, дорогой друг! Сегодня я прилетел из Тель-

Авива, где играл концерт, и моя жена Галина дала мне "АиФ" с вашим открытым письмом и велела прочесть. Но было много дел, я прочел его только в два часа ночи, когда лег в постель. И - расплакался, как ребенок. И, понимая, что уже не усну, уселся писать вам. Я стараюсь не говорить о том, что мы с Галей делаем в области благотворительности, потому что мы это делаем для себя, для ощущения своего присутствия и сопричастия в той драме, а может, и трагедии, которая происходит сейчас в России...

Так он писал. Но тебе, Саша, я могу назвать это "сопричастие" - Галина Павловна Вишневская помогает продуктами, одеждой и мебелью детскому дому в Кронштадте, Ростропович после премьеры "Хованщины" в Большом театре оставил свой гонорар в банке, и на эти деньги уже три года живут двадцать два музыканта оркестра Большого театра. А все 250 тысяч долларов его премии "Глория" идут на выплату стипендий двадцати трем студентам Московской консерватории. И еще они регулярно отправляют тонны - тонны, старик! - продуктов в различные детские дома и больницы и туда же - медикаменты на миллионы долларов...

Саша, пойми, он не хвалился этим, он написал, что они с Галей просто хотят чувствовать себя людьми среди тех соотечественников, которые находятся в тяжелейшем положении.

Но ведь и я написал свое письмо, вступаясь за свой народ, и ради того, чтобы мои баснословно богатые братья по крови стали людьми среди людей. Я не мог не крикнуть им об этом. Разве они бедней Ростроповича? Тем более что это мое письмо совсем к нему не относилось, так как он и не олигарх, и не еврей.

А Ростропович в конце письма написал мне, что он потрясен моей смелостью. Но признаюсь тебе, Саша, это была ни смелость, ни глупость, ни, тем более, какая-то рассчитанная акция. Это статья была написана просто по вдохновению - ее буквально вдохнули в меня среди ночи. Я, как под диктовку, написал ее на одном дыхании и без всякой правки отнес в редакцию. Думая по наивности, что вслед за мной с таким же призывом к олигархам русской национальности обратятся мои братья-славяне Слава Говорухин или Олег Табаков. Этого не случилось - к моему полному изумлению, - зато теперь я стоял посреди вселенской хулы над своей факс-машиной и читал последние строки письма Ростроповича. Там было написано его рукой и его летящим почерком: "Об одном очень вас прошу: если где-нибудь когда-нибудь будут у вас неприятности в связи с этой публикацией - дайте мне знать. А если когда-нибудь при моей жизни будет вблизи вас погром, я сочту за свой долг и за честь для себя встать впереди вас. Обнимаю вас с благодарностью и восхищением, всегда ваш Ростропович, а для вас - просто Слава..."

Саша, я получил это письмо 5 октября - за три дня до своего дня рождения. И это поздравление стоило всех поздравлений! Скажу тебе, как на духу, ведь сейчас у нас Ночь Истины - если бы мне сказали сегодня: не пиши своего письма олигархам, не подставляйся под этот огнемёт проклятий - я бы все равно написал. И потому, что не мог не писать, и еще потому, что без той публикации не получил бы письма Ростроповича. Дело не в том, что это, конечно, ужасно лестное, просто замечательное письмо великого музыканта и не менее великой личности - человека, который вопреки всей мощи советской империи дал в свое время кров и пристанище великому изгою этой власти Александру Солженицыну. Нет, дело не в этом. А в том, что именно это письмо делает меня Евреем. Понимаешь, о чем я? Да, я еврей и горжусь этим, и пишу об этом в своих книгах с гордостью и даже с хвастовством. И когда я восхваляю в этих книгах наш ум и половую мощь, ни одна еврейская газета не оспаривает меня, хотя среди евреев полно и дураков, и импотентов. Зато стоило мне призвать своих богатых собратьев по крови к благотворительности, как меня проклинали, предали анафеме, называли юдофобом и антисемитом. Но я думаю, что не им судить. Даже если они все в ногу, а я - не в их ногу, я еврей не по их суду и не тогда, когда хожу в синагогу. А тогда, когда меня, как еврея, уважают и ценят лучшие люди других народов, и особенно того народа, среди которого мы родились. Потому что еврей - это звание, которое еще нужно оправдать. И если сам Мстислав Ростропович готов защитить меня от погрома, то я - настоящий еврей, истинный! Да будет это, кстати, известно тебе - наполовину русскому, на четверть украинцу и на четверть поляку.

- Я это учту, старик... - усмехнулся Саша. - А у этой истории есть продолжение? Ты ответил на это письмо?

На концерте

- ПРОДОЛЖЕНИЕ этой истории случилось в Москве, в декабре прошлого года, в день рождения Александра Солженицына. В честь его юбилея Ростропович прилетел в Москву и давал концерт в актовом зале Московской консерватории. Я в те дни был в Москве по своим литературным делам. И, конечно, приехал в консерваторию. Но, если ты помнишь, в тот день был ужасный снегопад, и я больше часа ехал машиной от Шмитовского проезда до консерватории и опоздал аж на сорок минут! Оправданием мне может служить только то, что из-за этого снегопада опоздал не я один, а даже жена юбиляра! И все первое отделение Александр Исаевич просидел один, рядом с пустым креслом жены. И с лицом, окаменевшим от обиды, - ведь он никуда и никогда не ходит без нее. А тут - на концерте в его честь! под объективами телекамер! на виду у всей московской элиты и самого Ростроповича! - он сидел в одиночестве. Можешь себе представить его лицо?!

Ну а я, опоздав на сорок минут, уже не пошел в администрацию за билетом, а, чтобы не терять времени, по какой-то немыслимой цене купил с рук простой входной и побежал в зал. Но все двери в зал были уже закрыты, их охраняли суровые билетерши. Тогда я нырнул за кулисы, поднялся по лестнице куда-то вверх, в гримерные. И оказался вдруг прямо в том узком коридорчике, который ведет от гримерных на сцену.

- Где тут комната Ростроповича? - спросил я у администраторши.

- Вас туда не пустят. Но стойте здесь, он сейчас пойдет на сцену.

И действительно, через минуту в глубине коридора возник Ростропович в обнимку со своей виолончелью. Он шел стремительно - навстречу аплодисментам, которые неслись из зала. А он, насупившись, смотрел не вперед и не себе под ноги, а куда-то в себя, внутрь. Словно уже был до макушки наполнен музыкой, которую нельзя расплескать. И свою огромную виолончель тоже нес не как тяжесть или груз, а в обнимку и с той нежной силой, с какой я ношу своего весьма увесистого сына.

Мне бы, конечно, не встывать поперек его пути в эту святую для него минуту! Но я встрял. Я шагнул к нему от стены и сказал:

- Мстислав Леопольдович, я...

Он пролетел мимо, даже не поведя зрачком в мою сторону!

Наверное, на моем лице отразилось такое унижение, что администраторша сказала:

- Не обижайтесь. Он вас просто не слышал. Вы приходите в антракте.

Я ушел вниз, в буфет, взял коньяк и, медленно цедя его, думал: не уйти ли мне отсюда к чертям собачьим? Зачем я пришел? Я не мальчишка, чтобы стоять у стены. Да, у Ростроповича была сентиментальная минута, когда он читал мое письмо олигархам. Да, как человек эмоциональный, он прослезился и даже написал мне несколько возвышенных строк. Но помнит

ли он об этом? И на фиг я ему нужен? И что, собственно, мне нужно от него? А что, если он уже раскаивается в том, что писал мне? Что, если он будет со мной сух - на бегу, мельком, ведь сегодня юбилей его друга, и какого друга! Так до меня ли ему? Но ведь еще один его жест невнимания, равнодушия - и все это перечеркнет все его письмо! И с чем я останусь? С эпитетами Кобзона?

Но, видимо, коньяк был твоими французами придуман не зря. При его поддержке я дождался антракта и снова поднялся за кулисы, к гримерным. Там была уже просто толпа! Журналисты, фотографы, музыканты, какие-то дамы с цветами, оркестранты во фраках - толчея ужасная! Но я протиснулся к комнате маэстро. Тут, однако, стоял заслон посерьезней - гренадеры-телохранители.

- Мстислав Леопольдович меня приглашал...

- Даже не думайте! Только после концерта!

- Я опоздал из-за снегопада...

- Пожалуйста, освободите коридор! - высокий и плечистый парень смотрел на меня сверху вниз такими стальными глазами, что я понял: это либо ФСБ, либо управление по охране президента.

Не меньше.

Вечер звезд

Я ПОВЕРНУЛСЯ и пошел прочь, но тут же увидел спешащую к Ростроповичу Вишневскую. Она царственной походкой шла сквозь расступающуюся толпу.

- Галина Павловна, я Эдуард Тополь, здравствуйте.

- Ой, здравствуйте! Приходите после концерта на банкет. А сейчас он просто ничего не видит и не слышит, ведь ему играть. Понимаете?

- Понимаю, Галина Павловна. Спасибо.

И я пошел по лестнице вниз, пять этажей, пролет за пролетом, и прямиком - в раздевалку. Левая рука уже держала наготове номерок от куртки, а правая ощупывала, сколько в кармане денег на выпивку в каком-нибудь кабаке. Денег было немного, но в "Экипаже" на Спиридоновке меня знают и принимают мою "Визу". А уж емкостей моей "Визы" мне на сегодня хватит...

Чья-то тяжелая рука легла на мое плечо и легко развернула меня на 180°. Я изумленно поднял глаза - тот же молодой сероглазый охранник.

- Я вас еле догнал, - сказал он. - Быстрей! Ростропович приказал найти вас и немедленно поднять к нему. Бежим!

Не говоря больше ни слова, он своей клешней подхватил меня за локоть и, как подъемный кран, буквально вознес по крутой закулисной лестнице с первого этажа на пятый, а затем по коридорам - тараном сквозь толпу и прямо в распахнутые другими охранниками двери комнаты Ростроповича.

И я увидел Маэстро.

Посреди просторной и почти пустой комнаты он сидел в золоченом елизаветинском кресле и, держа в ногах виолончель, наклонялся к ее грифу и шептал ей что-то своим мягким смычком.

Так глядят детей и возлюбленных.

Но шум распахнувшейся двери отвлек его, он поднял глаза и вдруг...

Я даже не заметил, куда он, вскочив, подевал свою возлюбленную виолончель.

- Дорогой мой! - бросился он ко мне и буквально стиснул в объятиях, шепча прямо в ухо: - Никуда не уходи! Никуда, ты слышишь! После концерта я жду тебя на банкете, мы должны выпить на брудершафт! Ты понял?

- Слава, уже третий звонок! - сказала Галина Павловна.

- Иду! - ответил он ей и повторил мне в ухо: - Обязательно приходи, обязательно!

Не нужно тебе говорить, Саша, что то был банкет в честь Александра Исаевича Солженицына. И что юбиляру и маэстро подносили адреса и бокалы с частотой как минимум двух раз в минуту. И что десятки каких-то послов, знаменитостей, звезд и друзей произносили тосты и разрывали маэстро, чтобы сфотографироваться с ним и с юбиляром. Но среди этого карнавала амбиций и честолюбий он вдруг подошел ко мне и сказал:

- Где твой бокал? Мы должны выпить на брудершафт и перейти на "ты".

Бокал я тут же нашел, вино тоже, мы скрестили руки и под блицы фотографов выпили до дна. Но сказать ему "ты" я не смог, у меня не хватило духу.

- Ах так! - возмутился он. - А ты пошли меня на фуй и сразу сможешь!

- Идите куда хотите! - произнес я.

- Нет! Так не пойдет! Еще бокал! И пошли меня на фуй! Обязательно! - приказал он.

Я, дерзая, послал. Самого Ростроповича. После чего был представлен Солженицыну, его жена Наталья Дмитриевна сказала Александру Исаевичу, который уже собирался идти домой:

- Саша, я хочу познакомить тебя. Это Эдуард Тополь...

- Как же! - сказал Солженицын без секунды промедления. - Я помню. Семнадцать лет назад я написал вам, что не смогу принять участие в том проекте. Я действительно не мог, извините.

Старик, это меня просто сразило! Семнадцать лет назад я был главным редактором первой русской радиостанции в Нью-Йорке, и мы сделали тогда театр у микрофона - у меня были лучшие актеры-эмигранты, выпускники ГИТИСа и "Щуки". Они классно разыграли перед микрофоном несколько глав из "Ракового корпуса", и я отправил эту запись Солженицыну в Вермонт с предложением заслать, при его согласии и поддержке, сотню таких магнитофонных кассет в СССР, чтобы люди там копировали их самиздатом.

Ты понимаешь, какая это была бы бомба в 1982 году! Книги Солженицына - "Раковый корпус",

"Архипелаг ГУЛАГ", "Ленин в Цюрихе" и все остальное - на кассетах, которые размножались бы под носом КГБ и безостановочно! Миллионы копий! Да советская власть рухнула бы на пару лет раньше!

Через месяц я получил ответ Солженицына. Он написал мне буквально три строки. Мол, в связи с большой загруженностью он не может принять участие в этой акции. Я решил, что он просто не хочет связаться с нами, эмигрантами, другого объяснения я тогда не смог придумать, поскольку идея была чиста, как слеза. И акция с заброской этих кассет в СССР не состоялась, я позабыл о ней и даже теперь, встретив Солженицына, не вспомнил. А он - вспомнил! Мгновенно! Просто, как суперкомпьютер, вытащил из-под лба файл с моей фамилией и извинился за свое сухое письмо семнадцатилетней давности...

О жизни титанов

СРАЗУ после банкета Ростропович увез меня в ресторан на ужин, где были только он, Галина Павловна и еще трое их друзей.

И в этом ресторане я вдруг услышал совершенно иного Ростроповича - не только гениального музыканта, но и гениального рассказчика. Ох, Саша! Если бы при мне была кинокамера или хотя бы магнитофон! Слава был в ударе, он много и, не хмелея, пил, я против него просто молокосос в этом вопросе. И он рассказывал байки из своей жизни - но как! Я слышал в узком кругу, в домашних компаниях и Аркадия Райкина, и Леонида Утесова, и Александра Галича, и Володю Высоцкого. Но я не помню, чтобы с таким юмором и артистизмом они рассказывали о себе. Ростропович рассказал о том, как после своего первого концерта в Париже он был зван к Пабло Пикассо, приехал к мэтру с виолончелью и с ящиком водки и к утру, находясь подшофе, подарил тому свой бесценный смычок - не просто подарил, а гвоздем выцарапал на нем "ПАБЛО от СЛАВЫ"! А жена Пикассо в ответ сорвала с себя бриллиантовую диадему на золотой цепи и надела на Ростроповича. За что Пикассо тут же устроил ей скандал, потому что, оказывается, это был первый подарок, который Пикассо сделал ей еще в начале их романа. А Ростропович, проснувшись наутро в цепи и бриллиантовой диадеме, которые ему и на фиг не были нужны, обнаружил, что у него нет смычка и играть ему нечем. Кстати, теперь тот смычок хранится в музее Пикассо на Французской Ривьере, и Ростропович готов отдать за него любые деньги, потому что второго такого смычка нет во всем мире, но директор музея отказывается не только продать смычок, но даже обменять на другой, тоже ростроповичский.

А после ресторана они повели меня к себе домой, где мы сидели на кухне, втроем пили чай, обсуждали всякие благотворительные проекты, а потом Ростропович сказал мне, что сегодня состоялся его последний концерт в России - новые российские "отвязные" критики пишут о нем гадости, и больше он играть здесь не будет.

- Как? - сказал я. - Ты же сам только что внушал мне, что нужно быть выше этой хулы и грязи!

- Нет, я больше тут не играю.

- Но ведь публика не виновата!

Однако он был непреклонен, и я подумал: а так ли верно, что публика не виновата в том, что пишут ее "отвязные" критики, что поют с экранов ее кумиры и что творят ее министры и правители?

Мы расстались в четыре утра, а в девять я снова был у него и, представь себе, застал у него уже человек десять певцов и певиц, которых он прослушивал в связи со своей постановкой оперы в Самаре. И тогда я понял, что значит слово "титан". Солженицын и Ростропович - два последних титана нашего века, это

бесспорно. При этом я не знаю, какой титан Солженицын насчет выпивки и застольных баек, но что Ростропович титан в трех лицах - и в музыке, и в риторике, и в застолье - это я видел своими глазами. И потому вдвойне жаль, что мы не попали сегодня в Милан и не выпили с ним. Ты бы услышал великие байки великого человека!

- Городишко Наварра, - перебил Саша. - До Милана полста километров.